

“The Other/Own/Alien”: Paradoxes of Perception of Germans in the Russian Empire in the late 18th – early 20th centuries

Olga V. Erokhina (a) & Vitaly Y. Zakharov (b)

(a) Moscow Pedagogical State University; Bauman Moscow State Technical University. Moscow, Russia. Email: ov.erokhina@mpgu.su

(b) Bauman Moscow State Technical University; Moscow Pedagogical State University; Moscow Aviation Institute (National Research University). Moscow, Russia. Email: vz1974@yandex.ru

Received: 21 September 2022 | Revised: 23 October 2022 | Accepted: 4 November 2022

Abstract

The article deals with the problem of “the Other/Own/Alien” on the example of Germans and German colonists who arrived to Russian Empire in the late 18th – early 20th century at the invitation of the authorities. The material analyzed by the authors allowed revealing how the process of their transformation from “the Other” to “Stranger” took place. We have identified the socio-cultural, economic and political factors that influenced it. For various reasons, Germans came to the country where they had to adapt to new natural and climatic conditions, master the language, get acquainted with culture and traditions. In our opinion, long-term residence in the country and the gradual establishment of contacts with the local population contributed to the assimilation of Germans and transformation into “our kin”. This process took place much faster in an urban environment than in rural areas. However, foreign policy circumstances forced the Russian authorities to pursue an anti-German policy. This is reflected in periodicals and journalism. The desire of the Germans to preserve their language, culture and traditions, as well as the policy of the authorities, contributed to the formation of the image of the “Alien”.

Keywords

Frontier Conditions; Alien; The Other; Own; Russian Empire; German Colonists; Germans; Settlers; Migration; Transformation

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

«Другой / свой / чужой»: парадоксы восприятия немцев в Российской империи в конце XVIII – начало XX вв.

Ерохина Ольга Викторовна (а), Захаров Виталий Юрьевич (б)

- (а) Московский педагогический государственный университет;
Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана.
Москва, Россия. Email: [ov.erokhina\[at\]mpgu.su](mailto:ov.erokhina@mpgu.su)
- (б) Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана;
Московский педагогический государственный университет; Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет). Москва, Россия.
Email: [vz1974\[at\]yandex.ru](mailto:vz1974@yandex.ru)

Рукопись получена: 21 сентября 2022 | Пересмотрена: 23 октября 2022 | Принята: 4 ноября 2022

Аннотация

В статье рассматривается проблема «другой / свой / чужой» на примере немцев и немецких колонистов, приехавших в Российскую империю в конце XVIII – начале XX в. по приглашению властей. Проанализированный материал позволил выявить, как происходил процесс их трансформации от «другого» к «чужому». Нами были выявлены социокультурные, экономические и политические факторы, повлиявшие на этот процесс. По разным причинам немцы приезжали в страну, где должны были приспособиваться к новым природно-климатическим условиям, овладеть языком, знакомиться с культурой и традициями. По нашему мнению, длительное проживание в стране и постепенное налаживание контактов с местным населением способствовали ассимиляции немцев и превращению в «своих». Этот процесс происходил значительно быстрее в городской среде, чем в сельской местности. Однако внешнеполитические обстоятельства способствовали проведению антинемецкой политики, что нашло отражение в периодической печати и публицистики. Желание немцев сохранить свой язык, культуру и традиции, а также политика властей способствовали формированию облика «чужого» в периоды внешнеполитического кризиса..

Ключевые слова

фронтирные условия; чужой; другой; свой; Российская империя; немецкие колонисты; немцы; переселенцы; миграция; трансформация

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

Проблема «другой/свой/чужой» привлекает внимание исследователей различных научных направлений: философии, политологии, социологии, истории и других. В словаре В.Т. Даля имеется следующее определение «другому»: «не такой, отличный, иной» (Даль, 1903, с.1232), т.е. его нельзя отнести к «своим». Однако «чужой» тоже не относится «к своим», но в отличие от «другого» он «незнакомый; не нашей земли, иноземный» (Даль, 1909, с.1373). И если к «другому» относятся с любопытством, то в основе восприятия «чужого» чаще всего лежит чувство ненависти и страха (Романова, 2011, с. 191). Фактически в основе трактовки обоих понятий лежит проблема инаковости.

Возникает закономерный вопрос, в каких условиях происходит формирование инаковости и ее трансформация от «другого» к «чужому»? Е.В. Хлыщева считает, что такие изменения возможны под влиянием природных и культурных факторов (Хлыщева, 2016, с. 11). Когда в погоне за лучшими условиями существования субъект, отправившись осваивать новые земли, оказывается в новом для него географическом и социальном ландшафте, это приводит к появлению своеобразной «контактной» зоны различных этнических, религиозных, этносоциальных групп (Якушенков, 2014, с. 308). Под влиянием новых условий фронтирной гетеротопии происходит трансформация переселенцев (Якушенков & Якушенкова, 2016, с. 9).

В качестве субъекта инаковости мы рассмотрели немецких колонистов, которые стали массово приезжать в Российскую империю по приглашению российского правительства со второй половины XVIII в. и попали в новые для себя фронтирные условия. Следует отметить, что социально-экономическому и культурному образу жизни немецких колонистов в разных регионах проживания нашей страны посвящено значительное количество работ. Но восприятие их образа как «другого» и «своего» почти не нашло в них отражения (Каппелер, 2000; Оболенская, 2000; Ян, 2002; Cohen, 2006). В то же время образ «чужого» нашел свое воплощение в основном в «образе врага» накануне и в период Первой мировой войны (Нелипович, 1994; Маттис, 1998; Соболев, 2005; Эйдук, 2008).

От образа «другого» к «своему»

Немцы появились в России в XVI в., и первый топоним «Немецкая слобода» упоминается в источниках в Москве уже в 1578 г. В 1665 г. в ней насчитывалось 204 немецких дома (2004, с.7). Позже «немецкие слободы» появятся в Архангельске и Санкт-Петербурге.

По мере проникновения немцев в экономическую, общественную и культурную жизнь страны постоянные контакты с ними заставляли задуматься о различиях между ними и русскими. Над немцами посмеивались, выделяя их инаковость, могли поглядывать на них с любопытством или недоверием. Им

давали прозвища и придумывали пословицы, прибаутки: «Немец-перец, немец-шмерец, немец-копченый, колбаса, колбасник, сосиска», «штуки-шпеки немецки человеки». Немцы-соседи были рачительными и аккуратными хозяевами; прилежными, умелыми работниками и мастерами на все руки: «У немца на все инструмент есть».

Однако со времен правления Екатерины II российские власти выступали инициаторами значительной части переселений, делая упор на приглашение в страну иностранных земледельцев для освоения обширных полупустующих территорий на юге. Делалось это для того, чтобы

«коренные русские могли у них заимствовать способы лучшей обработки земли, разведение скота и вообще лучшие правила ведения хозяйства» (Мыш, 1888, с. 14).

На местах власти также полагали, что «немцы поделятся с жителями своими передовыми методами ведения сельского хозяйства, особенно в области земледелия и скотоводства» (Сахань, 2017, с. 80). Кроме того, князь М. Н. Воронцов надеялся, что колонисты будут обеспечивать продуктами основной им г. Ейск.

Возникает вопрос, почему приглашали иностранцев, а не использовали внутренние ресурсы? Ответ на него мы находим у А. Клауса, писавшего:

«... грустное положение наших крестьян вообще, и крепостных в особенности, слишком общеизвестно. Крестьянство было слишком принижено и обессилено, чтобы представить достаточные элементы для успешной в тех размерах, как того требовали насущные государственные интересы... колонизация исключительно русскими силами потребовала бы такого периода времени, выждать который казалось правительству несовместным с пользами и потребностями государства» (Клаус, 1869, с. 6-7).

В силу политических, хозяйственных, религиозных или личных обстоятельств численность именно немецких переселенцев в Российской империи постепенно увеличивалась. В XIX в. большинство немцев составляли сельские жители – 76,62%, а на долю городских приходилось 23,38% (2004, с. 10).

Первые колонии появились в Поволжье, а потом в Новороссии, на Кавказе, в Донской области и Сибири. Однако немцы не стали учителями русских крестьян, как на то рассчитывали российские власти, т.к. жили обособленно, предпочитая не смешиваться не только с русским сельским населением, но и немцами другого вероисповедания. Община следила за тем, чтобы не была нарушена «сословная однородность и национальная замкнутость немецкой деревни» (Ерохина, 2009, с. 59) Они тщательно сохраняли свою веру, обычаи и традиции, поэтому не вступали в смешанные браки. Имели собственное управление в лице Конторы иностранных поселенцев. Поэтому для русских крестьян немцы были немцами, а русские русскими.

Английский путешественник Д.М. Уоллес отмечал:

«И хотя, может быть, их отцы и деды родились уже в новой стране, они сочтут за оскорбление, если их назвать русскими. Русского крестьянина они презирают за бедность, темноту, лень и недобросовестность. Усердно заботятся о сохранении своего языка и обычаев. Редко хорошо говорят по-русски, а иногда и совсем не говорят, никогда не вступают в брак с русскими женщинами» (Оболенская, 2000, с. 14).

Немецкие колонисты, обустриваясь на местах проживания, учитывали условия местности и наличие строительных материалов. Если постройки были временные, то это были землянки или глинобитные строения.

«Постройки большей частью деревянные, крытые тесом. В колониях вдали от Волги – саманные (из нежженных кирпичей в смеси глины с соломой), в местностях каменистых из дикого камня, сложенного на глине, лишь единичные дома состоятельных колонистов выстроены из кирпича и крыты железом» (Клаус, 1869, с. 382).

Затем они заменялись капитальными, каменными или кирпичными, реже деревянными. Например, колонисты Крыма сначала строили свои дома по примеру местных татар из самана или из неотесанного бута. Крышу вначале крыли также по татарскому примеру соломой, но впоследствии перешли на прямоугольную черепицу «марсельку» (Возгрин, 2014, с. 55). Постепенно местное население стало, как и немцы, использовать при строительстве кирпич и крыть крыши домов черепицей или железом. Но их влияние «приблизительно можно обозначить районом верст на 100 вокруг колоний» (Постников, 1882, с. 80).

В регионах к немцам относились по-разному. Если они селились на пустующих или полупустующих землях, то это «другие-свои». Но если их водворение затрагивало интересы крестьянства или казачества, то можно было услышать такое мнение:

Немец давит надменностью, презрением к мужику, давит своим богатством, своей чистотой, своим отказом отдавать излишек земли в аренду, давит своей честностью» (Ерохина, 2009, с. 72).

Положительные отзывы в отношении «других» начинают встречаться в периодической печати с середины XIX. Так, в 1850 г. в газете «Кавказ» была опубликована статья, в которой автор писал о трудолюбии немецких колонистов и делал вывод, что они «...лучшие проводники попечительных мер Правительства к распространению благоденствия в крае» (Ерохина, Шайдуров, 2020, с.146). Именно немецкие колонисты привили местному населению традицию хранить вино не в глиняных кувшинах, а в бочках.

Современники отмечали, что немецкие колонии очень отличались от других населенных мест не только по наружному виду, но и во всех других отношениях. Офицеры Генерального штаба в своих отчетах писали:

«... немецкие колонии можно узнать с первого взгляда... они составляют как бы оазисы. Колонии по справедливости могут быть названы образцовыми фермами.

Разведенные сады и рожи около усадеб, прекрасные, правильные строения, чистота и опрятность» (1862, с.179).

До середины 1870-х гг. к немцам относились как к прекрасным работникам, ремесленникам, отличным специалистам. Современники считали, что колонии «могли для правительства служить масштабом, а для всего русского народа образцом, чего можно достигнуть посредством трудолюбия, нравственности и порядка» (Елисеев, 1865, с. 349). В целом отношение к немцам было нейтрально-положительным.

В 1871 г. были приняты «Правила устройства поселян-собственников (бывших колонистов), водворенных на казенных землях», которые изменили социальный статус колонистов и ликвидировали их самоуправление (ПСЗ РИ, 1874, с. 813-819). Окончательно они лишились всех привилегий после принятия закона о введении всеобщей воинской повинности в 1874 г. (ПСЗ РИ, 1876, с. 1-2) Вследствие высокой рождаемости в колониях, применения наследственного права минората, отсутствия свободных земель и принятия вышеназванных законов резко увеличилось количество молодежи, которая не могла найти себе применения. Все это приводит к миграционному процессу в колонистской среде.

Немецкие колонисты начинают переселяться из «материнских колоний» на Кубань, Кавказ, Область Войска Донского, в Среднюю Азию. Там ими создаются «дочерние» колонии. Первоначально население встречает их настороженно, но потом они становятся «другими своими». Например, в Кубанском крае местное население предпочитало сдавать свои земли в аренду немецким колонистам, потому что «меньше празднуют, меньше пьянствуют и строже держат обязательства» (Зиссерман, 1875, с. 492).

Немцы стали покупать земли в других губерниях и переселяться в города, где вливались в городское общество, становясь его обыденной частью. Там их уважали и считались с ними. Они фактически превращаются в «своих».

К ним можно отнести и немецких ученых, которые приехали в Россию по приглашению правительства в связи с проведением университетской реформы в начале XIX в. Например, немецкий ученый К. Ф. Фукс, собираясь здесь остаться, выучил русский и татарский языки. Он пользовался уважением своих коллег и был выбран ректором Казанского университета с 1823 по 1827 гг. Он внес значительный вклад в развитие университета и города. Фукс собрал коллекцию птиц и млекопитающих Поволжского региона. Занимаясь медицинской практикой в Казани, лечил людей всех сословий и не требовал платы, если у больного отсутствовали деньги. Татарское население настолько признавало его своим, что позволяло лечить женщин. К нему за советом обращались А. С. Пушкин, М. М. Сперанский, А. Гакстгаузен и А. Гумбольдт (Ерохина, 2019, с. 62).

В отличие от колонистов, городские немцы легко ассимилировались и охотно вступали в браки с русскими женщинами. Те, кто побогаче и имели

собственное дело, писал В. Штрикер, жили в хороших квартирах (Оболенская, 2000, с. 15). Со второй половины XIX в. в южных городах России все чаще домовладельцами становились немцы: Зенценбахер, Фридель, Лепп и другие. Нередко стоимость дома могла достигать 100 тыс. рублей (Семакин, 2003, с. 122).

С начала XX в. немецкие фамилии можно было встретить в разнообразных социально-экономических и политических сферах. Им доверяли учить детей, лечить людей, защищать интересы не только в суде, но даже в Государственной Думе.

В этом плане показательна биография Я. Е. Дитца, который в 1885 г. приехал в Область Войска Донского из немецкой колонии Кратце Саратовской губернии. Он стал служить присяжным поверенным в хуторе Фроловском от Усть-Медведицкого окружного суда. За пять лет Дитц сумел приобрести хорошую репутацию среди местного населения, которое в 1890 г. избрало его почетным блюстителем Муравлевского одноклассного приходского училища (1890, с. 34). В 1906 г. проводятся предвыборные собрания депутатов в I Государственную Думу. На уездном съезде из 50 уполномоченных, среди которых 35 русских и 15 немцев, Дитц был избран на съезд в Саратов. Там им были получены 72 голоса, из которых 4 были немецкие, а остальные русские (1906).

Еще до принятия указа о введении всеобщей воинской повинности немецкие колонисты оказывали любую помощь в случае военных конфликтов. Так, во время Крымской войны русский офицер отмечал, что они «любят новое отечество свое, как любим его мы, его исконные дети, и готовы для него, подобно нам, пожертвовать всем добром своим» (Возгрин, 2014, с. 45).

О патриотизме немцев и становлении их «своими» упоминал в 1895 г. будущий депутат IV Государственной Думы П. В. Каменский:

«...немцы не замедлили показать, что умеют проливать кровь за свою отчизну... В этом убеждает тот факт, что многие поселяне-собственники в последнюю турецкую войну, в 1877 г., награждены орденами, которые даются только на поле брани. Поселяне из колонии Грунау Екатеринославской губернии Фридрих Таблер был награжден Георгиевским крестом, а Готфрид Классель Румынским крестом» (Каменский, 1895, с. 17)

Формирование архетипа «свой-чужой», «друг-враг»

Если со временем «другой» ассимилировался, то превращался в «своего», но с некоторыми особенностями. Однако если он не стремился к ассимиляции и продолжал сохранять свои культурные традиции и религиозные вероисповедания, т.е. не соответствовал национальной идентичности местного населения, то превращался в «чужого». Впоследствии правящая элита изберет его в качестве «внутреннего врага», чтобы снимать напряженность в стране. Особенно остро эта психология «другой/свой/чужой» будет проявляться в периоды внешнеполитических кризисов и особенно военных конфликтов.

Это фактически и произошло с немецкими колонистами, жившими в сельской местности.

В конце XIX – начале XX в. именно российские немцы превратятся в такого «внутреннего врага». В поиске выявления враждебности власти обратятся к истокам «немецкой колонизации» России. Не последнюю роль в этом сыграют обострения внешнеполитических отношений России и Германии после 1871 г.

Военное министерство «внезапно» в 1880-е гг. обнаружит угрозу в немецких колониях, расположившихся на западных границах империи, и будет способствовать развязыванию «газетной войны» против них. В газете «Призыв» отмечалось, что немцы

«несмотря на многолетнее пребывание в русских пределах, не только не обнаруживают стремления к слиянию с окружающим населением, но упорно сохраняют свою национальную обособленность и отчужденность от русского народа, к которому они по удостоверению местных властей относятся враждебно, с гордостью и презрением... могут считаться русскими лишь формально... на самом же деле тяготеют к своим западным сородичам» (Ерохина, 2009, с. 95-96).

В результате подобная политика приведет не только к появлению «чужого», но и превращению его в явного «врага» к 1914 г.

Однако глашатаями такой политики выступали, кроме журналистов, и публицисты. Появляются работы, посвященные выявлению «чужого» элемента в российской среде. Среди них можно выделить труд Велицына А.А., который писал:

«...южный колонист... сознает свою отчужденность от России, всеми помыслами и симпатиями живет в Германии, и этого, по нашему убеждению, достаточно, чтобы при малейшем толчке извне превратить этого мирного колониста в отъявленного врага России» (Велицын, 1893, с. 180-181).

До 1913 г. население страны в немцах будет видеть в основном своих, а не чужих. На антинемецкую истерию почти не реагировали; но ситуация изменится с началом военных действий.

Со времени Первой мировой войны политизация немецкого вопроса достигла небывалых масштабов. Националистические тенденции фактически стирали границу между германцем и немцем.

Восприятие противника упростилось до архетипа «свой – чужой», «друг – враг». Антигерманская кампания довольно быстро переросла в кампанию против немцев вообще. При этом понятие «внутренний немец» нередко стало ассоциироваться с «внутренним врагом». В общественное сознание внедряли идею о необходимости полного очищения России от всякого проявления «германизма». В немецких поселениях теперь видели угрозу безопасности России:

«Колонии эти, несмотря на свое существование уже более века, живут настолько обособленно от коренного русского населения, что в общей своей совокупности на всем пространстве наших южных губерний являются готовой базой для германского нашествия» (Нелипович, 1997, с. 44).

13 и 15 октября 1914 г. Министерством внутренних дел были приняты циркуляры, на основании которых немецкие названия колоний были заменены на русские. И хотя на местах власти выполнили это распоряжение, но зачастую считали, что напрасно будут потрачены деньги, т.к. в колониях по-прежнему будет проживать немецкое население, которое никакого вреда не приносит местному населению (РГИА, л. 204).

Следует отметить, что к немецким колонистам существовало различное отношение среди местного населения даже в рамках одного региона. В Воронежской губернии Острогожского уезда жители достаточно спокойно относились к своим соседям из колонии Рибенсдорф, потому что для них они давно стали «своими», поселившись на этой земле еще в XVIII в. Однако немецкая колония, основанная в Новохоперском уезде в 1908 г. и обладавшая большими земельными размерами по меркам местного населения, стала «чужой» (Грефенштейн, 2016, с.26).

Именно власти будут последовательно проводить антинемецкую политику, формируя, таким образом, в обществе отношения к немцам как к «чужакам», несмотря на то, что в большинстве своем они имели российское подданство и считали себя русскими. Такая позиция приведет к беспорядкам, которые произойдут в июле и октябре 1914 г. в Петрограде и Москве, а затем в мае 1915 г. случится московский погром.

Из-за целенаправленной антинемецкой политики

«все “немецкое” вызывало не только враждебные чувства, но и действия. На всех общественных собраниях раздавались голоса о необходимости беспощадной борьбы с “немецким засильем”, которым по общему предположению были отмечены местности, заселенные немецкими колонистами» (Фролова, 2014, с. 269-270).

В действительности враждебные отношения к немцам были более заметны в городах, чем в сельской местности. Жандармские управления вынуждены были заниматься многочисленными доносами, жалобами и заявлениями жителей. Например, обвинялись житель г. Петровска А. Геллер в шпионаже, а за предоставление номеров «темным личностям» владелец гостиницы «Москва» в г. Самаре (Семенова, 2012, с. 427-428).

Кроме того, они становились «чужими» и в армии, куда зачастую уходили не только по призыву, но и добровольно. Военное министерство старалось перевести немцев-военнослужащих с Западного фронта на Кавказ, не надеясь на их лояльность России. И это несмотря на то, что они показывали примеры героизма на полях сражения, получая заслуженные награды (РГВИА, 1914-1915, л. 70 об, 719). Один из военнослужащих немецких колонистов с обидой писал:

«Оказывается, что невзирая на наши труды, нас все равно причисляют к немцам и к ненавистникам нашей родины. Сколько мы здесь не трудились, исполняя добросовестно свои обязанности, нам все же не доверяют, боясь пропаганды» (Фролова, 2014, с. 273).

Развернувшаяся антинемецкая пропаганда оказывала негативное влияние и на психологическое состояние немцев, которые считали себя русскими подданными, но в этническом плане принадлежали к немцам. Особенно неприятны были им «ликвидационные законы», принятые российскими властями в феврале и декабре 1915 г., направленные на борьбу с немецким засильем.

Были среди них и те, кто пытался разобраться в сложившейся ситуации, не понимая, почему их записали в «чужие». Среди них мы бы отметили Ф.О. Краузе, получившего медицинское образование в Московском университете и впоследствии работавшего ассистентом в Морозовской больнице. Во время войны он был старшим врачом 22-го летучего санитарно-дезинфекционного отряда, участвовавшего в сражениях на Юго-Западном фронте. В своих письмах к невесте он много размышлял о сложившейся ситуации:

«Я думаю, что много сейчас немцев в России, которые переживают эту душевную драму! Нет, мы не поддадимся, мы останемся хранителями старых заветов, нам останутся чужды этот угар, этот туман, застилающий сейчас столь многие интеллигентные головы... Если наши государства воюют, если мы как сознательные граждане выполняем свой тяжелый долг, то мы еще не будем оплевывать все, что не наше, не затопчем в грязь те ценности, которые раньше признавали!» (Краузе, 2017, с. 79)

Выводы

Исследуя проблему «другой/свой/чужой», мы приходим к выводу, что в поисках лучшей доли немцы отправились в Россию, где воспринимались населением как «другие». Если смогли выучить язык и наладить контакт с местным населением, то их считали уже «своими», которые имели некоторые особенности. Однако отношение к немцам могло превратиться в негативное, делавшее их «чужими». Такое явление было обусловлено несколькими факторами: давлением официальной идеологии, многочисленностью немцев в ряде регионов, их успешной экономической деятельностью.

Список литературы

- Cohen, A. J. (2006). Bild und Spiegelbild: Deutschland in der russischen Tageszeitung «Russkoe slovo» (1907–1917) [Image and Reflection: Germany in the Russian Daily “Russkoe slovo” (1907–1917)]. *Deutsche Und Deutschland Aus Russischer Sicht*, 19(20), 258–279. (In German).
- Велицын, А. А. (1893). *Немцы в России. Очерки исторического развития и настоящего положения немецких колоний на юге и востоке России*. Типография товарищества «Общественная польза».

- Возгрин, В. Е. (2014). Немецкие колонисты и крымские татары в национальной политике Российской империи (XVIII – конец XIX в.). Часть II. Труды кафедры истории Нового и новейшего времени, 12, 43–78.
- Выборы от крестьян. (1906). Приволжская газета, 75.
- Грефенштейн, Е., & Шушеньков, А. (2016). Воронежские немцы. 250 лет в России. Руна.
- Даль, В. И. (1903). Толковый словарь живого великорусского языка (Т. 1, 1232). Типография Товарищества М.О. Вольф.
- Даль, В. И. (1909). Толковый словарь живого великорусского языка (Т. 4, 1373). Типография Товарищества М.О. Вольф.
- Елисеев, Г. З. (1865). Внутреннее обозрение. Современник, CVII(4), 337–385.
- Ерохина, О. В. (2009). Немецкие колонии Области Войска Донского (вторая половина XIX в. – Февраль 1917 г.). Волгоградское научное издательство.
- Ерохина, О. В. (2019). Образ немецкого профессора в контексте российской действительности первой половины XIX в. Россия и Германия, 1–2(13–14), 57–63.
- Ерохина, О. В., & Шайдуров, В. Н. (2020). «Немецкий фактор» в экономическом развитии Закавказского края. Вопросы истории, 2020(10), 143–154.
<https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202010Statyi09>
- Зиссерман, А. Л. (1875). Поездка на Кубань. Русский вестник, 120, 466–508.
- Каменский, П. В. (1895). Вопрос или недоразумение? (К вопросу об иностранных поселениях на юге России). Товарищество скоропеч. А.А. Левенсон.
- Каппелер, А. (2000). Россия-многонациональная империя: Возникновение, история, распад (3-е изд.). Прогресс-Традиция.
- Клаус, А. (1869). Наши колонии. Опыт и материалы по истории статистики иностранной колонизации в России. Выпуск 1. Типография В.В. Нусвальта.
- Краузе, Ф. (2017). Письма с Первой мировой (1914–1917). Нестор-История.
- Маттис, А. Э. (1998). «Борьба с немецким засильем» в годы Первой мировой войны и немецкие колонии Томской губернии. В Вопросы истории Сибири XX века: Межвузовский сборник научных трудов (с. 58–67). Новосибирск.
- Мыш, М. И. (1888). Об иностранцах в России. Сборник узаконений, трактатов и конвенций, с относящимися к ним правительственными и судебными разъяснениями. Типография Н.А. Лебедева.
- Нелипович, С. Г. (1994). В поисках «внутреннего врага»: Депортационная политика России (1914–1917). В Первая мировая война и участие в ней России 1914–1918: Сборник материалов. Часть 1 (с. 51–64). Москва.
- Нелипович, С. Г. (1997). Генерал от инфантерии НН Янушкевич: «Немецкую пакость уволить, и без нежностей...» Депортации в России 1914–1918 гг. Военно-исторический журнал, 1, 42–53.
- Немцы в России: Историко-документальное издание. (2004). Лики России.

- О введении всеобщей воинской повинности. №52983. (1876). В Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собрание второе: Т. XLIX. Отделение первое. 1874. Типография II Отделения Собственного Его Императорского Величества Канцелярии.
- Оболенская, С. В. (2000). *Германия и немцы глазами русских*. РАН, Институт всеобщей истории.
- Павлович, В. (Ред.). (1862). *Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба*: Т. 6. Екатеринославская губерния. Типография Департамента Генерального штаба.
- Памятная книжка Области Войска Донского на 1890 г. (1890). Ростов-на-Дону.
- Постников, В. Е. (1882). Молочанские и Хортицкие немецкие колонии. Хозяйственно-статистический очерк. *Сельское хозяйство и лесоводство*. Журнал Министерства Земледелия, 79–99, 221–240.
- Правила об устройстве поселен-собственников (бывших колонистов), водворенных на казенных землях в губерниях: С.-Петербургской, Новгородской, Самарской, Саратовской, Воронежской, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, Херсонской и Таврической и в области Бессарабской. № 49705. (1874). В Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе: Т. XLVI. Отделение второе. 1871. Типография II Отделения Собственного Его Императорского Величества Канцелярии.
- Романова, А. П., Якушенков, С. Н., & Якушенкова, Ок. С. (2011). «Гляжусь в тебя как в зеркало до головокружения», или протообразы тела чужого в российском дискурсе. *Каспийский регион: Политика, Экономика, Культура*, 1 (26), 189–195.
- Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). (1914–1915). Ф. 1759. Оп. 4 Д. 619.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1914). Ф. 1291. Оп. 124. Д.55.
- Сахань, Т. В. (2017). Взаимоотношения немецких колонистов и кубанских казаков на Ейском полуострове (середина XIX - начало XX в.). *Немцы России в общественно-политической жизни страны (XVIII – XXI в.): Материалы 16 международной научной конференции, Москва 27-31 октября 2016*, 78–91.
- Семакин, С. И. (2003). *Колонистское движение и немецкая миграция в Российской империи и СССР*. Издательство «Университет и школа».
- Семенова, Е. Ю. (2012). *Мировоззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны (1914–Начало 1918 гг.)*. АНО «Издательство СНЦ РАН».
- Соболев, И. Г. (2005). Борьба с «немецким засильем» и политические партии России (1914–1917). *Политические партии России: прошлое и настоящее: Сб. статей по итогам всероссийской научной конференции*, 99–104.
- Фролова, К. В. (2014). Немецкий вопрос в Самарской губернии в годы Первой мировой войны. XX век и Россия: общество, реформы, революции. *Электронный сборник*, 2, 266–275.
- Хлыщева, Е. В. (2016). Конструкты межкультурного взаимодействия на фронтальных территориях: К проблеме культурной безопасности. *Журнал Фронтальных Исследований*, 1, 33–43.
- Эйдук, Д. В. (2008). «Образ врага» и перспективы войны в русской периодической печати в 1914–1915 гг.: По материалам газеты «Утро России» [Автореферат диссертации кандидата исторических наук]. Санкт-Петербургский государственный университет.

- Якушенков, С. Н., Романова, А. П., Баева, Л. В., Хлыщѣва, Е. В., Морозова, Е. В., & Якушенкова, Ок. С. (2014). «Фронтир как эвристическая модель историко-культурного познания». Материалы круглого стола. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 4, 304-314.
- Якушенков, С. Н., & Якушенкова, О. С. (2016). «Власть земли»: Формирование новой инаковости в условиях фронта. *Журнал Фронтирных Исследований*, 1, 9-21.
- Ян, П. (2002). «Русского – пулей, француза – В пузо!»: Россия в восприятии немцев в Первую мировую войну. *Родина*, 10, 38-40.

References

- Claus, A. (1869). *Our Colonies. Essays and Materials on the History of Statistics on Foreign Colonization in Russia. Issue 1.* The printing house of V.V. Nuswalt. (In Russian).
- Cohen, A. J. (2006). Bild und Spiegelbild: Deutschland in der russischen Tageszeitung «Russkoe slovo» (1907-1917) [Image and Reflection: Germany in the Russian Daily “Russkoe slovo” (1907-1917)]. *Deutsche Und Deutschland Aus Russischer Sicht*, 19(20), 258-279. (In German).
- Dal, V. I. (1903). *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language* (Vol. 1, 1232). The printing house of the M.O. Volf. (In Russian).
- Dal, V. I. (1909). *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language* (Vol. 4, 1373). The printing house of the M.O. Volf. (In Russian).
- Eiduk, D. V. (2008). “The Image of the Enemy” and Perspectives on War in the Russian Periodicals in 1914-1915: On the Materials of the newspaper *Utro Rossii* [PhD Thesis]. St. Petersburg State University. (In Russian).
- Elections from the peasants. (1906). *Privolzhskaya Gazeta*, 75. (In Russian).
- Eliseev, G. Z. (1865). Internal Review. *Sovremennik*, CVII(4), 337-385. (In Russian).
- Erokhina, O. V. (2009). *German colonies in the Don Region (second half of the 19th century – February 1917)*. Volgograd Scientific Publishing House. (In Russian).
- Erokhina, O. V. (2019). The image of the German professor in the context of Russian reality of the first half of the 19th century. *Russia and Germany*, 1-2(13-14), 57-63. (In Russian).
- Erokhina, O. V., & Shaidurov, V. N. (2020). “German Factor” in the Economic Development of the Transcaucasian Region. *Voprosy Istorii*, 2020(10), 143-154. <https://doi.org/10.31166/voprosyistorii202010statyi09> (In Russian).
- Frolova, K. V. (2014). The German Question in Samara Province during World War I. *The 20th Century and Russia: Society, Reforms, and Revolutions. Electronic collection*, 2, 266-275. (In Russian).
- Grefenstein, E., & Shushenkov, A. (2016). *Voronezh Germans. 250 years in Russia*. Runa. (In Russian).
- Jan, P. (2002). “The Russian with a Bullet, the French with a Belly!”: Russia as Perceived by the Germans in World War I. *Rodina*, 10, 38-40. (In Russian).
- Kamensky, P. V. (1895). *Question or misunderstanding? (On the question of foreign settlements in southern Russia)*. A.A. Levenson's Partnership for the Printing Press. (In Russian).
- Kappeler, A. (2000). *Russia-Multinational Empire: Appearance, History, Disintegration* (3rd ed.). Progress-Tradition. (In Russian).

- Khlyshcheva, E. V. (2016). Constructs of cross-cultural interaction on the frontier's territories: to a problem of cultural safety. *Journal of Frontier Studies*, 1, 33–43. (In Russian).
- Krause, F. (2017). *Letters from World War I (1914–1917)*. Nestor-History. (In Russian).
- Mattis, A. E. (1998). “The Struggle Against the German Resistance” during World War I and the German Colonies of Tomsk Province. In *Issues of Siberian History in the 20th Century: Interuniversity Collection of Scientific Works* (pp. 58–67). Novosibirsk. (In Russian).
- Memorial book of the Don Region for 1890*. (1890). Rostov-on-Don. (In Russian).
- Mysh, M. I. (1888). *On Foreigners in Russia. A Collection of Laws, Treatises, and Conventions, with Governmental and Judicial Explanations Concerning Them*. Print shop of N.A. Lebedev. (In Russian).
- Nelipovich, S. G. (1994). In Search of the “Internal Enemy”: The Deportation Policy of Russia (1914–1917). In *World War I and Russia's participation in it 1914–1918: A collection of materials. Part 1* (pp. 51–64). Moscow. (In Russian).
- Nelipovich, S. G. (1997). General of Infantry NN Januszkiewicz: “To dismiss the German paschik, and without tenderness...”. Deportations in Russia 1914–1918. *Military History Journal*, 1, 42–53. (In Russian).
- Obolenskaya, S. V. (2000). *Germany and the Germans through the eyes of the Russians*. Russian Academy of Sciences, Institute of General History. (In Russian).
- On the introduction of universal conscription. No 52983. (1876). In *Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZ RI). Second Collection: Vol. XLIX. Section one*. 1874. Printing Office II of His Imperial Majesty's Own Chancellery. (In Russian).
- Pavlovitch, V. (Ed.). (1862). *Materials for the Geography and Statistics of Russia Collected by Officers of the General Staff: Vol. 6. Ekaterinoslav Province*. Printing house of the General Staff Department. (In Russian).
- Postnikov, V. E. (1882). Molochanskies and Khortitsa German Colonies. Economic and Statistical Sketch. *Agriculture and Forestry. Journal of the Ministry of Agriculture*, 79–99, 221–240. (In Russian).
- Romanova, A. P., Yakushenkov, S. N., & Yakushenkova, Ok. S. (2011). “I look at you like in a mirror until I feel dizzy,” or prototypes of the Alien Body in Russian Discourse. *Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, 1 (26), 189–195. (In Russian).
- Rules for the arrangement of landowners (former colonists) planted on public land in the provinces of St. Petersburg, Novgorod, Samara, Saratov, Voronezh, Chernigov, Poltava, Ekaterinoslav, Kherson, Tauris and in the region of Bessarabia. No 49705. (1874). In *Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Second Collection: Vol. XLVI. Section two*. 1871. Printing Office II of His Imperial Majesty's Own Chancellery. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1914). F. 1291. In. 124. C.55. (In Russian).
- Russian State Military Historical Archive (RSMHA). (1914–1915). F. 1759. In. 4 C. 619. (In Russian).
- Sakhan, T. V. (2017). Relations between German Colonists and the Kuban Cossacks on the Yeisk Peninsula (mid 19th – early 20th century). *The Germans of Russia in the socio-political life of the country (18th – 21st century): Proceedings of the 16th International Scientific Conference, Moscow, October 27–31, 2016*, 78–91. (In Russian).
- Semakin, S. I. (2003). *The Colonial Movement and German Migration in the Russian Empire and the USSR*. University and School Publishers. (In Russian).

- Semenova, E. Yu. (2012). *The Worldview of the Urban Population of the Volga Region during World War I (1914–Early 1918)*. ANO “Publishing house of the SSC RAS”. (In Russian).
- Sobolev, I. G. (2005). The Struggle Against the “German Suffocacy” and Political Parties in Russia (1914–1917). *Political Parties of Russia: Past and Present: Collection of Articles from the All-Russian Scientific Conference*, 99–104. (In Russian).
- The Germans in Russia: A Historical and Documentary Edition*. (2004). Images of Russia. (In Russian).
- Velitsyn, A. A. (1893). *The Germans in Russia. Essays on the Historical Development and Present Situation of the German Colonies in Southern and Eastern Russia*. Printing house of the “Public Benefit” partnership. (In Russian).
- Vozgrin, V. E. (2014). German Colonists and the Crimean Tatars in the National Policy of the Russian Empire (18th – late 19th centuries). Part II. *Proceedings of the Department of History of New and Contemporary Times*, 12, 43–78. (In Russian).
- Yakushenkov, S. N., & Yakushenkova, O. S. (2016). “Power of land”: formation of new otherness in the conditions of frontier. *Journal of Frontier Studies*, 1, 9–21. (In Russian).
- Yakushenkov, S. N., Romanova, A. P., Baeva, L. V., Khlysheva, E. V., Morozova, E. V., & Yakushenkova, O. S. (2014). “The Frontier as a Heuristic Model of Historical and Cultural Knowledge”. Proceedings of the panel discussion. *Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, 4, 304–314. (In Russian).
- Zisserman, A. L. (1875). A Trip to the Kuban. *Russkiy Vestnik*, 120, 466–508. (In Russian).